

ПЕВЦУ СВОБОДЫ

Вручение премии Ленинского комсомола Микису ТЕОДОРАКИСУ.

Высокая награда комсомола знаменитому борцу за свободу своего народа, талантливому греческому композитору Микису Теодоракису, присужденная три года назад, вручена была только вчера...

Это были трудные годы — в судьбе греческого народа, в судьбе Микиса... Но сегодня Микис на свободе. Он окружен друзьями, людьми, так много сделавшими для освобождения его из тюремных застенков. В конференц-зал ЦК ВЛКСМ, где вручалась награда, пришли поздравить Теодоракиса известные советские композиторы.

Когда первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельников вручил премию, Теодоракис сказал: «Я был в тюрьме, нас было там около ста человек... Утром, в очень холодное время, три го-

да назад я вышел в тюремный двор... И вдруг мне передают друзья: ты награжден премией советского комсомола... И все стали меня целовать, обнимать, поздравлять... Я справился с волнением, я смотрел на моих друзей, смотрел на их ноги, обутые в тапочки, ноги им раздробили и ногти повырывали, но они мужественно перенесли пытки... Я сказал, что премия Ленинского комсомола не мне дана, а вам всем.

Принимая премию Ленинского комсомола, я хочу заверить, что буду следовать рука об руку, сердце к сердцу с комсомолом, своими песнями и впредь буду бороться за свободу Греции».

Беседу наших корреспондентов с Микисом Теодоракисом читайте на 3-й странице.

На снимке: только что Микису ТЕОДОРАКИСУ вручена премия.

Фото В. ПАНОВА.

Комсомольская правда
г. Москва

25 АВГ 1970

181

СИЛА ПЕСНИ БОРЦА

Микис ТЕОДОРАКИС отвечает
на вопросы наших корреспондентов.

У меня было три жизни.
Одну унес ветер,
Другую — дождь
А моя третья жизнь
Утонула в слезах...

Последний куплет этой песни мы приведем в конце интервью. Он не похож на первый. Куплеты различны — так же, как годы, проведенные Теодоракисом в застенках, и его жизнь на свободе...

Какое беспредельное счастье — проснуться солнечным августовским утром, встать и свободно выйти на улицу. Рядом сын, дочь, жена, тысячи прохожих, шум машин. Вокруг многомиллионный город — Москва, и можно пойти и поехать в любой его конец просто так — посмотреть на людей, деревья, дома. Все так обычно, для каждого из нас — так обычно. И потому так трудно постичь глубину этого праздника свободы...

Микиса Теодоракиса не нужно представлять читателям. Патриота Эллады, борца за свободу, талантливого композитора знают миллионы людей во многих странах мира. Его драматическая музыка и песни живут в сознании миллионов.

Но при близком знакомстве он предстает перед вами не только как человек нестягаемого мужества и железной воли. Вы понимаете сразу: он еще и очень добр...

Наше московское интервью имело свою предысторию. Вернее, у него было парижское начало. Одному из нас случилось быть первым советским человеком, встретившим Микиса после его неожиданного освобождения на аэродроме французской столицы. И первый вопрос, прежде чем начать свой рассказ, он задал сам: Когда и где, как и чем смогу я отплатить советским людям за теплоту их сердец, за горячие чувства братской солидарности и за их борьбу в защиту греческих демократов? Им, более чем кому бы то ни было на земле, сказал он, принадлежит заслуга в том, что я наконец на свободе.

И вот он в Москве.

— Микис, ваша трудная жизнь служит для многих примером героизма и мужества. Есть ли у вас герой, на которого вы равняетесь сами?

Микис задумывается, курит, потом говорит: «Прежде всего преклоняюсь сегодня перед неизвестными героями — их великим мужеством и их волей...»

В концлагерях, — продолжает Теодоракис, — я встречал людей, которые находились за колючей проволокой по двадцать и более лет. Без стонов, без надежды, без мысли о том, что их подвиг будет вознагражден. Их пытались и пытаются сломить. Но это великие люди, сильные, хотя им безмерно тяжело»...

...По гостиничному номеру Теодоракиса тихо ходит дочь. Сын склонился над столом — рисует. Дети. Но и им довелось уже пережить немало. Их тайный ночной побег из Греции на незнакомой яхте морем к отцу во Францию был фантастичнее многих еще не прочитанных ими приключенческих детских книг.

Когда мы говорили о концлагерях и тюрьмах на его родине, Теодоракис страдал. Он еще и еще раз повторял: «Просто невозможно поверить, что спустя двадцать пять лет после Гитлера на земле снова существуют концлагеря!» «Просто невозможно представить, — говорил он, — как кипит кровь в жилах сына, отец которого брошен за колючую проволоку. Что творится с отцом, сын которого заперт в концлагеря!»

Теодоракису часто задавали и задают вопрос, который теперь, пожалуй, уже излишен: «Вы композитор или политик?» На это он ответил всей своей жизнью и деятельностью. Это — неразделимо...

Мы спросили, когда он впервые услышал русскую песню и какую.

Он подумал и ответил:

«В годы второй мировой войны. Во время оккупации... Это была песня «Смело, товарищи, в ногу!» После я узнал и искренне полюбил много советских песен. А сразу после войны мне довелось впервые услышать и симфоническую музыку Шостаковича. Это были записи. Пластинки привезли американцы...»

Мы спросили Микиса, когда он сам впервые выступил публично как музыкант, и этот вопрос перенес его в очень далекое прошлое. А может быть, приблизил те далекие годы сюда, в эту комнату, где мы сейчас говорим. Микис завоновался, как многие люди, вспоминая о том первом в начале жизни дне или одном мгновении, переросшем затем в главное дело всей жизни.

Микис много курит — сигарету за сигаретой. На столе рулоны склеенных листов писчей бумаги с тысячами подписей школьников, учителей, студентов. «Мы требуем свободы для Микиса Теодоракиса!»

Письма, телеграммы, плакаты, подписи. На столе их — горы. Их дали Микису как дорогие сувениры в Советском комитете солидарности с греческими демократами... Сказали: «Это только малая часть...»

— Микис, кем бы вы хотели видеть своих детей?

Микис опускает большую, добрую ладонь на курчавую голову сына.

— Я хочу их видеть полезными другим людям. Мне хочется, чтобы их личные стремления легли в общее русло прогресса нашей жизни. Я готов помогать им в достижении самых смелых целей...

Их мать, его жена Мирто, смотрит на детей и, соглашаясь, — на Микиса.

— Кто ваш отец и ваша мать? — спросили мы.

Он рассказал и об отце и о матери. Они оба живы. Их дом — на окраине Афин... «Моя мама, — сказал Микис, — родом из Малой Азии. Она мягка, грустна, полна человечности... Ее отец был сапожником... Я унаследовал от мамы музыкальность».

Микис щурит глаза, подбирает слова, не торопясь, грустно, смотрит в окно, иногда кажется, что он смотрит и видит перед собой лицо матери, так внимательно и одухотворенно он смотрит в пространство... «У мамы, — говорит он, — очень сильное чувство солидарности, сострадания — дом наш был всегда полон обездоленных. Но она никогда не теряла силы духа и не теряла мужества... Сколько я принес ей беспокойства... Она всегда меня ждала у окна, и сейчас она ждет меня у окна. Ждет, когда я снова наконец скажу ей «здравствуй».

А потом сказал об отце:

«Он родился и вырос на острове Крит. Народ острова испокон веков боролся за свободу. И большинство мужчин в роду моего отца принимали участие в повстанческом движении, были и его руководителями, умирали мученически... В шестнадцать лет отец воевал на Балканах... Он вел дневник, был тяжело ранен. Его дневник был первой в моей жизни книгой, моим евангелием...»

Потом отец был служащим. Он всегда поддерживал меня в моей жизни, и сегодня он для меня во многом пример... Когда я улетал в Париж после освобождения, он стоял у ворот тюрьмы...»

...Когда самолет приземлился на посадочной полосе московского аэродрома, Микис спросил у советских друзей: «Когда можно будет побывать во Дворце пионеров?»

Уходя от него, невольно думаешь: «С ним можно проститься, но расстаться с ним нельзя».

...Потому что у меня Три жизни

Одна — для страдания,

Другая — для страсти,

А третья — для победы!

Г. БОЧАРОВ,
Б. ГУРНОВ.